

РЕЦЕНЗИИ

ФИТЧ У.Т. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Е.Н. ПАНОВА. М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2013. 768 с.

Книга Уильяма Текумзе Фитча посвящена теме, обретшей в последние годы колоссальную популярность, – происхождению человеческого языка. В разных областях науки накопилось большое количество фактов, проливающих свет на отдельные аспекты этой проблемы, и теперь стоит задача интеграции полученных знаний. Именно эту задачу и ставит перед собой автор книги: даже предлагая собственную концепцию происхождения языка, он пишет, что не стремится дать полный и окончательный ответ на все вопросы и главное в его работе – это обзор и изложение существующих точек зрения, с тем, чтобы читатель мог сформировать собственное мнение по данному вопросу. Фитч рассматривает эволюцию – начиная с самых первых одноклеточных организмов, и языковые проекты, анатомию речевого тракта, и физику образования звука, палеонтологические материалы по ископаемым гоминидам, и механизмы нейронного контроля за вокализацией у разных видов, жестовые языки глухих, и генетическое обеспечение языковой способности, эволюционную теорию, включая не только общепринятые утверждения, но и дискуссионные вопросы, и различные модели происхождения языка. Но, к несчастью для читателя, такая широта оборачивается недостатком глубины: многие важные для понимания происхождения языка факты в книге лишь бегло упомянуты. Например, по описанию языка, спонтанно возникшего в никарагуанской школе для глухих, вообще никак нельзя понять, что он жестовый (этому способствует и перевод: язык назван “знаковым” и в указателе в качестве жестового языка не упомянут). В результате тот, кто не знаком со всеми приведёнными в книге данными по другим работам, не сможет почерпнуть из авторского изложения подробностей, достаточных для формирования собственного мнения, – ему придётся верить автору на слово, тем более, что пишет У.Т. Фитч живо, доступно и убедительно.

Язык, как отмечает Фитч, не монолитен, это сложная система, состоящая из разных компонентов (не отграниченных непроницаемыми барьерами один от другого), эти компоненты имеют сложное устройство, выполняют каждый свою

функцию и могли появляться в ходе эволюции сравнительно независимо один от другого. Такой подход позволяет автору избежать тупика “непреодолимой пропасти”: не пытаюсь построить заведомо неработоспособную гипотезу о том, как бы язык мог возникнуть на пустом месте сразу и целиком, он разбивает эволюцию языка на несколько этапов, на каждом из которых формируется какой-то один аспект языковой способности. Так, жестовая стадия в развитии коммуникативной системы сформировала преднамеренность коммуникации, музыкальная – способность к контролю над звукопроизводством и к комбинированию звуков в иерархически организованные последовательности. Базисные же концепты (= довербальные понятия) существовали задолго до начала эволюции собственно человека.

У.Т. Фитч – сторонник врождённой природы языка: поскольку первичного языкового материала, который ребёнку удаётся получить в течение “чувствительного периода”, явно недостаточно для того, чтобы обрести исчерпывающее представление о грамматике языка (Фитч говорит “синтаксис”, но на стр. 132 прямо называет морфологию его центральной частью), и родители не учат детей грамматике напрямую, язык, по мнению Фитча, может быть усвоен только при наличии у ребёнка уже готовых синтаксических ограничений (а возможно – судя по сравнению с полётом птиц – даже врождённых структур). И именно формированию такого рода структур должна быть, согласно его концепции, посвящена главная, определяющая часть эволюции языка.

Соответственно, в наибольшей степени Фитч симпатизирует теории музыкального праязыка, основу которой заложил ещё Дарвин. Музыка, как и язык, обладает целым рядом свойств, отсутствующих во врождённых сигналах животных. И музыка, и язык обладают возможностью порождать из ограниченного числа исходных единиц неограниченное число единиц более крупных. И там, и там имеется иерархическая организация, и там, и там наличествует дискретность исходных элементов.

В развитии музыкального протоязыка Фитч выделяет четыре этапа. На первом формируется способность комбинировать звуки в длинные последовательности, имеющие иерархическую организацию, но лишённые какого бы то ни было пропозиционального значения. Поскольку найти в такой коммуникативной системе какой-либо биологический смысл невозможно, механизмом её формирования объявляется половой отбор. Действительно, существуют, по-видимому, свойства организмов, развившиеся лишь потому, что носители этих свойств по какой-то иррациональной причине нравились особям противоположного пола. Но всё же, как кажется, слишком часто прибегать к этому способу объяснения не стоит, поскольку он в равной мере годится для объяснения всего, чего угодно (понравилось – неизвестно почему – и всё), и это лишает исследователя мотивации для поиска более материалистических объяснений.

На втором этапе каждой музыкальной фразе присваивается ассоциация с какими-то типами активности, ритуалами и т.п. (“песня трапезы”, “песня охоты”, “песня дождя”...). Так появляется произвольность знака, хотя на этой стадии единицы коммуникативной системы ещё остаются эмоциональными, их функция – управление и манипуляция действиями других. Автор отмечает, что в фатической функции до сих пор используются холистичные фразы, смысл которых в минимальной степени зависит от смысла их частей: *how do you do*, *добрый день* и т.п.

На третьем этапе холистичные фразы членятся на отдельные компоненты, на четвёртом использование языка фиксируется генетически в результате отбора на быстрое усвоение языка детьми (отбора, который, отметим, почему-то появляется только на этой стадии, хотя был бы не лишним и на предыдущих). При этом нет необходимости объяснять биологические предпосылки возникновения синтаксиса: при наличии словаря он легко возникнет путём грамматикализации. В основе синтаксиса, пишет Фитч, лежит, вероятно, моторный контроль действий – сложные действия обладают некоторой собственной внутренней организацией, сходной с синтаксической.

Фитч вполне осознаёт слабые места своего сценария: он отмечает, что между музыкой и языком имеется немало весьма существенных отличий. Так, музыка во многом построена на повторах, в языке же повторы обычно избегаются. Высоту музыкального тона распознаёт правое полушарие, а не левое (языковое). Но самое существенное состоит в том, что музыка, в отличие от

языка, совершенно лишена пропозиционального содержания, тогда как язык позволяет передать другим “конкретные новые мысли” (курсив автора. – С.Б.). Соответственно, главная загадка – откуда могла в ходе эволюции появиться лексика. Но это, считает Фитч, не препятствует гипотезе о музыкальном протоязыке, а лишь свидетельствует о необходимости её дальнейшего развития.

В книге много внимания уделяется рассмотрению коммуникативных систем животных; главная цель этого, по мнению автора, состоит в том, чтобы лучше понять, в чём именно заключается уникальность человеческого языка. Кроме того, такой анализ мог бы помочь выявить тенденции развития коммуникативных систем в природе, корреляции между их свойствами и условиями жизни видов, их социальной организацией и т.п., но это, по-видимому, не входило в круг задач автора.

Фитч отмечает, что в человеческой коммуникации присутствует не только вербальный, но и невербальный пласт, и поэтому разумно сравнивать коммуникацию животных с ними по отдельности.

Особое внимание уделяет он опущенной гортани. Следуя Ф. Либерману, У.Т. Фитч признаёт чрезвычайно большую роль в становлении языка умению произносить гласный *i*, соответственно, опущенная гортань оказывается важнейшим эволюционным приобретением. Но, как показано в книге, возможность опущения гортани присуща не только человеку – некоторые виды животных (например, олени) способны опускать гортань во время вокальной коммуникации. Опускание гортани позволяет издавать более низкие звуки, что создаёт у слушателей впечатление большего, чем на самом деле, размера того, кто вокализирует. Однако, как кажется, гипотеза о том, что движущей силой опущения гортани у человека была необходимость преувеличения размера, не обладает необходимой объяснительной силой. Дело не только в том, что преувеличение собственного размера – слишком небольшое приобретение для такой огромной “цены”, как риск подавиться (у человека, в отличие от оленя, гортань опущена всегда, а не только во время вокализации). Более существенным представляется то, что ранние гоминиды, будучи приматами, вели групповой образ жизни и слишком хорошо знали друг друга “в лицо”, чтобы их можно было запутать более низкими звуками голоса.

Фитч подробно рассматривает перестройку системы звукопроизводства в ходе эволюции человека, говорит о важности для членораздельной речи опускания подъязычной кости и корня

языка. Рассматривая анатомические структуры, для которых в разных работах предполагалась связь с речью, он приходит к выводу, что ни одна из них не может служить решающим аргументом в пользу наличия языка. На наш взгляд, это действительно так, если рассматривать их по отдельности, но наличие *комплекса* анатомических структур уже вполне годится в качестве доказательства наличия речи (поскольку в эволюции важны не отдельные свойства сами по себе, а то, насколько хорошо они сочетаются с другими свойствами организма и с условиями окружающей среды). Главным, по мнению Фитча, является преобразование системы нейронного управления звукопроизводством. В ходе эволюции человека сформировалась “прямая связь между латеральным неокортексом и ядрами, ответственными за моторику фонации” (с. 394), что делает управление вокализацией более эффективным. Кроме того, человеку удалось совместить вокализацию с тонко управляемыми движениями языка. Не менее важна была и появившаяся способность к вокальной имитации. Интересно, что способностью к звукоподражанию наделены, помимо людей и певчих птиц, также тюлени – это позволяет использовать их для изучения того, как устроен контроль над звукопроизводством.

Большое значение Фитч придаёт усвоению ограничений: как ребёнок, овладевающий родным языком, должен узнать, что та или иная фраза или форма является грамматически неправильной? Ведь его действительно (в отличие от школьника, изучающего иностранный язык) не обучают на примерах ошибок. По Фитчу, это можно объяснить лишь тем, что ограничения не усваиваются, а являются в той или иной мере врождёнными. Между тем, как показывают наблюдения, “негативными элементами” языка нередко оказываются просто элементы незнакомые, непривычные. Например, едва ли не каждому лингвисту, ездившему в экспедиции, случалось сталкиваться с носителем языка, который утверждает, что на его языке нельзя сказать “тётка моего соседа старая” или “белый человек убил шесть медведей”, потому что у его соседа нет тётки, а белый человек – плохой охотник и шесть медведей убить никак не мог. Один ребёнок старшего дошкольного возраста на полном серьёзе убеждал меня, что не существует слова “овёс”, а надо говорить “овсо́” – поскольку его знакомство с этим корнем ограничивались формами “овса”, “овсяный” и “овсянка”. Вообще, способность к негативным суждениям формируется в онтогенезе сравнительно поздно: во время “чувствительного периода” предъявление языкового материала, не

согласующегося с уже имеющимися у индивида языковыми знаниями, вызывает перестройку системы (или, по крайней мере, её дополнение), и лишь по его завершении такой материал начинает вызывать оценочную реакцию типа “так не говорят”. Подобного рода ограничения распространяются не только на язык: например, в повести Л. Воронковой “Девочка из города” одна из героинь, ученица начальной школы, уверена, что из глины нельзя вылепить ничего, кроме гриба: “Раз учительница показала гриб, значит, и можно только гриб”.

Важную роль в исследовании происхождения языка должна, по мнению Фитча, сыграть генетика. Ген *FOXP2*, хоть и не является геном речи, играет в функционировании (прежде всего – в усвоении) языка важную роль. На его важность косвенно указывает то, что он есть и у певчих птиц (хотя состав его отличается от человеческого), и если подавить его экспрессию, птица не сможет научиться видовой песне. В то же время нельзя отрицать и важность опыта: далеко не всё напрямую закодировано в генах. Например, количество нейронных связей в мозге значительно превосходит количество нуклеотидов в геноме – и связи эти формируются в процессе жизни и обучения. Как отмечает Фитч, у всех позвоночных на ранних этапах онтогенеза происходит избыточное ветвление отростков нервных клеток, устанавливаются как нужные, так и ненужные контакты. Затем, в процессе индивидуального развития, идёт своего рода “прополка”: нужные связи остаются, ненужные отмирают.

Главной движущей силой в эволюции языка, согласно Фитчу, является родственный отбор: родители делятся информацией с потомством, и это даёт эволюционный выигрыш (именно поэтому дети так легко и эффективно усваивают язык). Именно такое направление коммуникации – от родителей к потомству – позволяет как-то состыковать модель родственного отбора (который в обычных случаях распространяется на всех родичей – не только, а часто и не столько на потомков, сколько на братьев и сестёр) и тот факт, что значительная часть группы у приматов – это самки, пришедшие из других групп (и не родственные входящим в группу самцам – так легче избегать инцеста). Оно же позволяет решить проблему честности коммуникации: в природе, где, согласно часто встречающемуся пониманию естественного отбора, особи ведут друг с другом беспощадную борьбу за выживание, в которой побеждает сильнейший, предоставлять своим противникам честную информацию крайне невыгодно, поскольку знание – это, как известно, сила,

а сила в такой модели будет использована против всех остальных, в том числе и против того, кто эту информацию предоставил. Если же информация предоставляется потомству, то последствия не столь ужасны, поскольку потомки, выиграв в борьбе, понесут дальше родительские гены. И в этом будет состоять выгода для отправителя сигнала.

Между тем в реальности ситуация, подобная описанной, царит в большей степени не в природе, а в мире бизнеса, а также в мире современной науки, где, чтобы получить финансирование, надо иметь не просто результат, а результат лучший, чем у других претендентов на тот же грант (и поэтому многие стараются, например, не публиковать древние тексты, найденные при археологических раскопках, — с тем, чтобы когда-нибудь все открытия по этим текстам сделать самим, а не отдавать кому-то другому). В природе задача, по-видимому, ставится иначе: выжить среди себе подобных. Эта задача актуальна для тех видов, которые практикуют половое размножение, — попытка выжить без других представителей своего вида (неважно, удалившись от них или победив их в конкурентной борьбе) крайне осложняла бы нахождение подходящего полового партнёра (то есть, не просто особь противоположного пола, а именно такую, которая даст максимально жизнеспособное потомство с выбиравшим). Для того, чтобы минимизировать негативные эффекты от сосуществования с другими, имеет смысл замечать, что они намереваются проявить агрессию, готовы к спариванию, заметили еду или приближающегося хищника и т.п. Соответственно, лучше выживать будет тот, кто сможет отслеживать подобные вещи (даже, возможно, не сознавая этого) — по любым признакам, независимо от того, хотел кто-то передавать соответствующую информацию или нет. Показательно, что едва ли не большинство “сигналов”, по которым ориентируются животные, подаются невольно (и возможно незаметно для “отправителя”): набухающая половая кожа у самок шимпанзе, яркая раскраска морды у самцов-мандрилов, химический состав мочи у собак, акустические параметры пищевого крика у чаек — всё это несёт колоссальное количество информации, легко распознаваемой сородичами, но сам “отправитель сигнала” повлиять на его характеристики бессилён. Этим, кстати, и объясняется честность подобной коммуникации: если особи отбираются по способности узнать больше о сородиче, то на те признаки, которые не позволяют этого сделать (потому что “врут”), лучше всего просто не обращать внимания. Впрочем, “отправитель сигнала”

тоже в итоге не остаётся внакладе: тому, чьи агрессивные намерения были замечены, не придётся вступать в драку (рискуя получить травму), у того, кто предупредил сородичей об опасности, будет больший выбор потенциальных половых партнёров, у того, по кому заметно наличие доступной пищи, потенциальные половые партнёры будут более сытыми и здоровыми (и, соответственно, его детям с большей вероятностью достанутся качественные родители). Заметим, что и у человека существуют речевые акты, возникающие практически произвольно (их описывают словами типа “вырвалось”) — это речевые акты-комментарии (типа “Ну, и ливень!”). Они не требуют обязательного наличия слушающего, хотя несут некоторую информацию, и всегда честны. Они в значительной мере управляются эмоциями и более часты у детей, чем у взрослых (к взрослому состоянию они по большей части переходят во внутреннюю речь), что может свидетельствовать об их более раннем эволюционном происхождении.

Значительную часть книги У.Т. Фитча занимает подробнейший анализ гипотез о происхождении языка. Она рассматривает гипотезы Бикертона (об одномоментном зарождении синтаксиса), Джекендоффа (о том, как синтаксис возникал постепенно), Либермана и МакНейлиджа (о зарождении членораздельной звучащей речи), Дикона (о ведущей роли появления символов, для чего потребовалось поедание мяса и строгая моногамия), Данбара (о языке как о своего рода вокальном груминге), Элисон Рэй (о холистическом протоязыке), Арбиба (о жестовом протоязыке, в котором подражание обеспечивается зеркальными нейронами), Есперсена (склонявшегося, как и Дарвин, к идее музыкального протоязыка), Ливингстона, Ричмана, Брауна, Кирби и др., а также несколько компьютерных моделей эволюции языка.

Книга имеет два приложения — послесловие научного редактора Е.Н. Панова и статью А.Д. Кошелева, в которой составитель и издатель серии переводов излагает свою точку зрения на эволюцию языка. По его мнению, главным переломным моментом, начиная с которого коммуникативная система превращается в настоящий человеческий язык, является обретение словами многозначности. Действительно, если, например, крик верветки обозначает орла (но не похожих на него крупных птиц-падальщиков), то в человеческом языке слова могут приобретать новые значения при помощи метафорических или метонимических переносов. В природных коммуникативных системах такого не отмечено, но в языковых проектах обезьяны недвусмысленно продемонстрировали способности к переносу значений:

известный случай с шимпанзе Уошо, назвавшей не угодившего ей зрителя “грязным”, далеко не единственный (см., например, изданную А.Д. Кошелевым книгу [1]). Представляется вероятным, что лексическая многозначность является простым следствием того, что главной движущей силой глоттогенеза является стремление получать информацию, и язык в результате оказывается способом, облегчающим “чтение мыслей” говорящего. В этой ситуации любое языковое выражение, в том числе и слово, может иметь столько значений, сколько слушающий готов допустить и понять; поэтому, в частности, контекстных синонимов у любого слова гораздо больше, чем словарных: при наличии контекста (или ситуационных подсказок) слушающий более успешно угадывает коммуникативное намерение говорящего, чем при предъявлении изолированных слов, поэтому при наличии таких подсказок говорящий может быть менее точен.

Отдельно хочется отметить работу переводчика – доктора биологических наук Е.Н. Панова, взявшего на себя также роль научного редактора. Перевод книги такого объёма – в высшей степени нелёгкий труд, тем более если речь идёт о сочинении настолько мультидисциплинарном. Каждая дисциплина обладает своим набором терминов, и термины эти в каждом языке свои (и вовсе не обязательно являются кальками). Так, слепок внутренней поверхности черепа по-русски называется эндокраном, а не “эндокастом” (интересно, что Панов даёт ссылку на работы Дробышевского, где этот термин встречается, но это не мешает ему давать неверный перевод), devoicing – это оглушение, а не “безгласность”, ASL – американский жестовый язык (или просто “амслен”), а не “американский язык знаков” (знаки имеются во всех языках, а не только в жестовых), *Ardipithecus* – ардипитек, а не “адриопитек”, *articular bone* – сочленовная кость, а не “суставная”. Для того, чтобы переводить такую книгу, надо иметь обширнейшие знания в очень многих областях, хотя бы на уровне терминов, имён и известных цитат, – тогда Людвиг Noiré (Нуаре) не будет переведён как “Нойр”, Отто Jespersen (Есперсен) – как “Джесперсен”, а Клаус Zuberbühler (Цубербюлер) – как “Зюбербюлер”. Известная фраза Дж. Б.С. Холдейна на русский всегда переводится как “я бы отдал жизнь за двух братьев или за восьмерых кузенов” (а не “... двум братьям или восьми кузенам”), девочка-“маугли”, найденная в пригороде Лос-Анджелеса – Джини, а не “Тени” (в результате такого перевода читатель может не понять, что Фитч имел в виду тот же самый случай, что и Пинкер, см. [2, с. 278]).

Homo erectus по-русски (по крайней мере, в заслуживающих доверия источниках) называется человеком прямоходящим, а не “прямоходячим”, элементы цитоскелета – микротрубочками, а не “микрочанальцами”, зубатые киты *Orcinus orca* (в отличие от ласточек) – косатками, а не касатками, кодон TGC (который не надо переводить как ТКГ, поскольку буквы К в генетическом коде нет) кодирует цистеин, а не цистин (цистин – другая, неcodируемая, аминокислота, называемая также дицистеином) и т.д. Много и других неточностей и ошибок: людям с палеолитической стоянки Сунгирь приписаны “чётки” (вместо бусин), местонахождение ископаемых гоминид в Грузии названо “Дминиси” (правильно – Дманиси), испанское местонахождение Sima de los Huesos (букв. “бездна костей”) – “Сима де лос Уэвос” (правильно – ... Уэсос), пещера Чжоукоудянь названа “Чжоу-Гоу-Тьен”, историческая область Левант переведена как Ливан (что географически неточно, тем более, что пещеры Схул и Кафзех, о которых идёт речь, находятся на территории Израиля), слоны издают ультразвуки (на самом деле – инфразвуки, и у Фитча именно так, *infrasounds*), африканские культуры гейдельбергского человека оказываются мезолитическими (у Фитча правильно: Средний каменный век, что примерно соответствует европейскому Среднему палеолиту; мезолитическими же называют культуры, предшествующие неолитическим и отмеченные только у *Homo sapiens*). Вообще, перевод выполнен достаточно неряшливо: предок двусторонне-симметричных животных назван то *Urbilateria*, то урбилатералия, то урбилиталия, исследователь амслена Уильям Stokoe именуется то Стоко (с. 332), то Стоки (с. 471), читателю предоставлено самому догадываться, что “невролог Тиренс Дикон” (с. 316) и “нейробиолог Терренс Дикон” (с. 401) – это одно и то же лицо.

В некоторых случаях перевод прямо затрудняет понимание текста: на с. 126 в пассаже о категориальном восприятии употреблён глагол “распознавать” вместо “различать”, что приводит к полной невразумительности всего фрагмента, на с. 131 пример именной группы переведён предложением; второе значение у слова “немой” (“глупый”, с. 177) есть только в разговорном английском, так что слово *dumb* здесь лучше было бы не переводить (а дать комментарий). “Сегментами” названы существенно более крупные, чем сегменты, единицы, а “просодией” – утрата эмоциональной составляющей речи. Очень неудачным для русскоязычного читателя оказался термин “глоттогенез”, поскольку в отечественной лингвистической традиции последних лет он закрепился

в значении, в точности противоположном тому, которое используется в книге У.Т. Фитча: этим словом обозначается возникновение языка из языковых коммуникативных систем (см. работы А.Н. Барулина, С.А. Бурлак, А.Г. Козинцева, переводы работ Д. Бикертон и др.), а у Фитча – наоборот, исторические изменения, происходящие в человеческих языках (как, например, те, что постепенно превратили латынь в итальянский).

Не полагаясь на свои переводческие возможности, Е.Н. Панов часто (едва ли не на каждой странице) оставляет в скобках исходные английские термины. Хотя такой подход не всегда оправдан, в целом ряде случаев это облегчает читателю понимание текста. Вообще же перевод получился в высшей степени вольный – так, например, первый абзац раздела 10.7 выпал вообще (видимо, поэтому Панов так часто пользуется ремаркой “переведено дословно”, хотя и это не даёт полной гарантии, см., например, с. 461). На с. 429, дав перевод “некий прото-индоевропейский язык”, Панов выставляет Фитча лингвистически безграмотным, якобы лишь понаслышке знающим об индоевропеистике. Между тем это не так: у Фитча говорится, что термин “протоязык” в XVIII–XIX вв. применялся к сущностям культурной, исторической природы, таким, как праиндоевропейский (см. [3, с. 400]). На с. 197 перевод прямо противоречит оригиналу: Фитч пишет, что “*Kanzi can successfully carry out quite complex motor actions, such as starting fires and making and using simple stone tools*” [3, с. 168], Панов же переводит, что бонобо Канзи не в состоянии добыть огонь и пользоваться орудиями.

Всего этого можно было бы избежать, если бы переводчик и научный редактор не совмещались в одном лице, но Е.Н. Панов по каким-то причинам не стал показывать свою работу другим специалистам.

На фоне такого количества переводческих огрехов собственные неточности Фитча меркнут, но и их в книге ненулевое количество. Так, Фитч относит появление языка ко времени 50 тысяч лет назад, увязывая его со временем выхода из Африки, – но по последним данным, выход из Африки произошёл гораздо раньше (порядка ста тысяч лет назад [4]), обезьянам в языковых проектах приписывает уровень пятилетнего ребёнка, но, судя по приводимым Фитчем примерам, уровень языковой компетенции обезьян примерно соответствует уровню 2,5–3-летнего ребёнка (см. также [1]); он пишет, что охотятся с копьями у шимпанзе самцы (хотя в статье, на которую он ссылается [5], прямо указано, что охотятся самки), склоняется к тому, чтобы считать *Homo*

floresiensis микроцефалом (хотя имеются веские доказательства обратного, см., например, [6; 7]). Об образе жизни ископаемых гоминид Фитч судит исключительно по орудиям (не учитывая, что тип индустрии не имеет жёсткой связи с видом), хотя многократно было показано, что для понимания образа жизни немало может дать, например, анализ костей – в частности, они показывают, какие нагрузки испытывал человек, их изотопный состав свидетельствует о рационе и о местности, в которой обитали соответствующие особи. За животными Фитч признаёт только континуальные эмоциональные сигналы, хотя приводимые им в качестве примера в другом месте верветки такую точку зрения опровергают: их сигналы, хотя и издаются на фоне эмоционального возбуждения, указывают не столько на уровень эмоции, сколько на тип опасности – леопард, орёл или змея (и распознаются именно в этом качестве, см., например, [8]). Говоря о человеческом языке, Фитч отмечает, что “слова, которые проще произносить, значения, более прозрачные, и правила, легче заучиваемые, будут иметь преимущества” при передаче из поколения в поколение, но, как показывают лингвистические исследования, в языках всё время возникает сложность (см., например, [9]).

Особо стоит сказать о примечаниях научного редактора. Действительно, комментарии специалиста к переводимой книге бывают чрезвычайно полезны – можно вспомнить хотя бы перевод книги Дж.П. Мёрдока “Социальная структура” с примечаниями А.В. Коротаева [10], сильно углубляющими и обогащающими понимание текста. И в данном издании в примечаниях упомянуты полезные для русскоязычного читателя работы Боринской, Дробышевского, Зубова и др. Однако и с этим Е.Н. Панов справился лишь отчасти. Так, книга Р. Келера “О невидимой руке в языке” [11] переведена на русский, статья Сифарта и Чини [8] к моменту публикации перевода уже успела выйти. В сносках можно было бы сообщить читателю, что со времени выхода книги Фитча гораздо больше стало известно о культуре неандертальцев (см. о ней, например, [12; 13]), были получены данные о скрещивании с человеком современного типа как неандертальцев, так и денисовского человека (см., например, [14; 15]), было показано, что контролировать огонь люди научились гораздо раньше, чем пишет Фитч, – не 400 тысяч, а около миллиона лет назад, см. [16]. По поводу эндокранов стоило бы дать ссылку на С.В. Дробышевского [17], по поводу моторных действий – на Н.А. Бернштейна [18], по поводу неандертальцев – на Л.Б. Вишняцкого [12], по поводу эволюции человека вообще – на А.В. Маркова

[19; 20]. По поводу языковых проектов стоило бы упомянуть книгу З.А. Зориной и А.А. Смирновой [1]. С.В. Савельева же (ввиду колоссального количества ошибок в его работе – см. [21]) рекомендовать читателям явно не стоило.

В целом ряде случаев примечания Панова демонстрируют недостаточную компетентность в соответствующей области. Так, по поводу общественных амёб *Dictyostelium* сноски говорит о попарной конъюгации, тогда как Фитч пишет об образовании плодовых тел (с участием большого количества особей). Отчасти это, конечно, следствие того, что Фитч не приводит достаточных подробностей, но наличие компетентного переводчика или научного редактора позволяет в таких случаях избежать ошибок. На с. 72 Панов заявляет, что ДНК “определяет все без исключения свойства организма, которому принадлежит”. Между тем, для того чтобы узнать, что это не так, достаточно было бы обратиться к устройству человеческого мозга. Как пишет А.В. Марков [19, с. 146; 20, с. 85], в мозге человека имеется примерно 10^{14} – 10^{15} межнейронных связей – синапсов, тогда как в геноме лишь 3×10^9 нуклеотидов (при этом геном должен кодировать не только мозг, но ещё и то, как будет устроено всё остальное тело). Простой подсчёт показывает, что значительная часть структуры мозга (а это очень важно для языка) определяется прижизненным опытом индивида, не будучи закодирована в ДНК.

Панов берёт на себя роль учителя биологии для гуманитариев, говорит, что, мол, Фитч пытается учить гуманитариев биологии, но учит какой-то ерунде, кабинетным умствованиям, имеющим мало отношения к реальности. Увы, идеи самого Панова имеют к реальности ещё меньшее отношение. Фитч аккуратен в аналогиях, он всё время подчёркивает: то, что мы видим у животных, – это не в точности то, что мы видим у человека, сходство наблюдается лишь в отдельных аспектах. Но именно эти аспекты наиболее интересны в контексте происхождения языка. Панов же, напротив, пытается донести до читателя мысль, что сходства никакого нет, даже в отдельных аспектах, и, соответственно, коммуникация животных не может пролить ни малейшего света на происхождение человеческого языка. Впадая в такую крайность, Панов загоняет себя в тупик единственной возможности: возникновение языка имело скачкообразный характер, язык возник вдруг, на пустом месте и сразу целиком. Но если посмотреть на эволюцию, то так не бывает. Даже с никарагуанским жестовым языком, сформировавшимся очень быстро, ситуация не такова: в нём, как пишут исследователи (см., например,

[22]), грамматические инновации появляются постепенно. Подход, принимаемый Пановым, не даёт возможности как бы то ни было продвинуть исследование происхождения языка. Между тем такое – даже с чисто логической точки зрения – невозможно, поскольку, если виды развиваются, то их коммуникативная система может изменяться, а если коммуникативная система может изменяться, то можно исследовать направления таких изменений, условия, которые вызывают переход из одного состояния в другое. И уж вовсе маловероятно, чтобы на протяжении всего пути от обезьяны к человеку ни один из этих механизмов ни в какой степени не подействовал.

Комментарии Панова содержат много эмоционально окрашенной лексики (ср., например, «кабинетные “теоретики”, которые плетут эти небылицы» на с. 448, “предельно упрощенческий характер” на с. 526), но зачастую не добавляют никакой новой информации (за исключением того, что построения Фитча Панову очень не нравятся). В целом, Панов оказал издательству “Языки славянской культуры” колоссальную медвежью услугу.

Подводя итог, можно сказать, что книга Фитча весьма полезна – она стимулирует любопытство читателя, побуждая его (вследствие недостаточной подробности изложения) искать первоисточники рассмотренных в книге данных и получать тем самым максимально неискажённую информацию о них. Однако тем, кто хорошо знает английский язык, читать её надёжнее в оригинале.

С.А. Бурлак

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали “говорящие” обезьяны: Способны ли животные оперировать символами? М.: “Языки славянской культуры”, 2006. 424 с.
2. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004. 456 с.
3. Fitch W.T. The evolution of language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 610 p.
4. Armitage S.J., Jasim S.A., Marks A.E., Parker A.G., Usik V.I., Uerpmann H.-P. The Southern Route “Out of Africa”: Evidence for an Early Expansion of Modern Humans into Arabia // Science. 2011. V. 331. P. 453–456.
5. Pruett J.D., Bertolani P. Savanna chimpanzees, Pan troglodytes verus, hunt with tools // Current Biology. 2007. V. 17. Issue 5. P. 412–417.

6. *Tocheri M.W., Orr C.M., Larson S.G., Sutikna T., Jatmiko, Saptomo E.W., Due R.A., Djubiantono T., Morwood M.J., Jungers W.L.* The primitive wrist of *Homo floresiensis* and its implications for hominin evolution // *Science*. 2007. V. 317. No. 5845. P. 1743–1745.
7. *Falk D., Hildebolt C., Smith K., Morwood M.J., Sutikna T., Jatmiko, Saptomo E.W., Prior F.* LB1's virtual endocast, microcephaly, and hominin brain evolution // *Journal of human evolution*. 2009. Vol. 57. Issue 5. P. 597–607.
8. *Seyfarth R.M., Cheney D.L.* Primate social cognition as a precursor to language // Tallerman M., Gibson K.R. (eds.) *The Oxford handbook of language evolution*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 59–70.
9. Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: URSS, 2009. 560 с.
10. Мёрдок Дж.П. Социальная структура / Пер. с англ. А. В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
11. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке / Пер. с нем. и вступ. ст. О.А. Костровой. Самара: Издательство СамГПУ, 1997. 312 с.
12. Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.
13. *Peresani M., Fiore I., Gala M., Romandini M., Tagliacozzo A.* Late Neandertals and the intentional removal of feathers as evidenced from bird bone taphonomy at Fumane Cave 44 ky B.P., Italy // *Proc. Nat. Acad. Sci. USA*. Published online before print February 22, 2011.
14. *Burbano H.A., Hodges E., Green R.E., Briggs A.W., Krause J., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Johnson P.L.F., Xuan Z., Rooks M., Bhattacharjee A., Brizuela L., Albert F.W., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Lachmann M., Hannon G.J., Pääbo S.* Targeted Investigation of the Neandertal Genome by Array-Based Sequence Capture // *Science*. 2010. V. 328. P. 723–725.
15. *Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T., Li H., Fernando Racimo F., Mallick S., Schraiber J.G., Jay F., Prüfer K., de Filippo C., Sudmant P.H., Alkan C., Fu Q., Do R., Rohland N., Tandon A., Siebauer M., Green R.E., Bryc K., Briggs A.W., Stenzel U., Dabney J., Shendure J., Kitzman J., Hammer M.F., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Patterson N., Andrés A.M., Eichler E.E., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S.* A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // *Science*. 2012. V. 338. P. 222–226.
16. *Berna F., Goldberg P., Horwitz L.K., Brink J., Holt S., Bamford M., Chazan M.* Microstratigraphic evidence of in situ fire in the Acheulean strata of Wonderwerk Cave, Northern Cape province, South Africa // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2012. V. 109. No. 20. P. 7593–7594.
17. Дробышевский С.В. Эволюция мозга человека. Анализ эндокраниометрических признаков гоминид. М.: УРСС, 2007. 176 с.
18. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – М.: Издательство “Физкультура и спорт”, 1991. 288 с.
19. Марков А.В. Эволюция человека. Книга 1. Обезьяны, кости и гены. М.: Астрель, Corpus, 2012. 496 с.
20. Марков А.В. Эволюция человека. Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель, Corpus, 2012. 512 с.
21. 150 ошибок профессора Савельева?.. Рецензия на книгу “Возникновение мозга человека” // [Электронный ресурс]. URL: <http://antropogenez.ru/review/686/>
22. *Morford J.P.* Why does exposure to language matter? // *The evolution of language out of pre-language* / Ed. by Givón T., Malle B.F. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 329–341.